

Введение

От абсурда к злодеянию

Китай пятидесятых годов являл собой страну стремительных перемен. После с трудом завоеванной победы коммунистическая партия была преисполнена решимости превратить аграрное общество в модернизированную коммунистическую утопию. Для этого председатель Коммунистической партии Китая Мао Цзэдун подготовил дерзновенный план: план “Большого скачка”. Мао считал, что стране необходима коллективизация сельского хозяйства и полный пересмотр политики. Первым делом следовало уничтожить вредителей — мух, досаждавших людям, комаров, разносивших малярию, и крыс, распространявших чуму. В эту компанию самых страшных вредителей совершенно неожиданно попал скромный и незаметный евразийский воробей. Эта безвредная птичка не разносила никаких болезней, но зато склевывала посеянное крестьянами зерно. Власти смогли найти и политическую аллегорию: воробьи — это буржуазия, эксплуатирующая пролетариат. Птицы были объявлены “публичными животными капитализма”, и в 1958 году началась “Великая воробьиная кампания”, целью которой стало полное уничтожение пернатых врагов революции.

В “Пекинской ежедневной народной газете” был напечатан недвусмысленный приказ: “Все должны принять участие в битве... мы должны проявить поистине непреклонное революционное упорство”. Этот призыв к оружию был услы-

шан: один только Пекин выставил на войну с воробьями трехмиллионную армию. Из студентов создали команды стрелков, которых учили отстреливать воробьев, уничтожать их гнезда, разбивать яйца и убивать птенцов. Другие же студенты в это время били колотушками по кастрюлям, создавая жуткую какофонию, которая отпугивала птиц и не давала им садиться на землю. Несчастные создания, выбившись из сил, падали замертво. Воробьи в панике целыми стаями бросились искать хоть какое-то убежище; например, они пытались спастись на территории польского посольства в Пекине, сотрудники которого отказались впустить в дипмиссию толпу. Но этот отказ не сыграл никакой роли, потому что китайцы, неистово бывшие в барабаны и кастрюли, окружили здание плотным кольцом. Это безумие продолжалось два дня, а потом польским дипломатам пришлось лопатами выгребать с территории посольства птичьи трупы. В течение года было убито около 1 миллиарда воробьев. Этот вид в Китае практически вымер.

Однако архитекторы данного уничтожения не учли важную экологическую роль простого воробья. Вскрытие убитых птиц показало, что их главным источником питания были не семена, а насекомые. Нельзя сказать, будто никто этого не предвидел: ведущий орнитолог Китая Чжэн Цзосинь предупредил, что воробьи играют очень важную роль в уничтожении вредителей. Но Чжэн навлек на себя гнев Мао; ученого объявили “реакционером”, невеждой, заставили учиться заново и приговорили к принудительным работам. В конечном счете в 1959 году партия опомнилась и вернулась к реальности, но колоссальный ущерб природе уже был причинен. Воробьи являлись единственными естественными врагами саранчи, и в их отсутствие произошло ее взрывоподобное размножение. По всей стране саранча безнаказанно уничтожала урожай. Китаю пришлось импортировать воробьев из Советского Союза. Но урожая уже было не вернуть, а другие катастрофические решения, принятые в рамках политики Большого скачка, усугубили ситуацию. Результатом всего этого стал Великий китайский голод, длившийся с 1959 по 1961 год. По разным оцен-

кам эта трагедия унесла от 15 до 45 миллионов жизней ни в чем не повинных людей.

Эти ужасы, эта высочайшая смертность очень ярко иллюстрируют отсутствие критического мышления и сурово предупреждают о том, что может произойти, если не задумываться заранее о вероятных последствиях предпринимаемых действий. Мао и его соратники поддались видимой простоте политического силлогизма “Надо что-то делать; уничтожение воровьев — это что-то; следовательно, это надо делать”. Однако действие, совершенное лишь ради него самого, во все не гарантирует достижения успеха. Недаром говорят, что дорога в ад устлана благими намерениями; плохо продуманные действия могут привести к неожиданным и устрашающим результатам. Всепоглощающее стремление партии к модернизации ослепило ее руководство до такой степени, что оно не смогло разглядеть опасность и проигнорировало предупреждения ученых, призывавших к осторожности. Страшный голод в Китае — это пример того, что может случиться, когда критическим мышлением пренебрегают.

Умение мыслить, рассуждать и делать выводы является одним из наших самых ценных навыков и, вероятно, лучшей характеристикой нашего биологического вида. Судя по всему, именно в этом умении и заключается секрет нашего успеха. В некоторых отношениях наше господство над планетой представляется удивительным и неожиданным. Как вид мы не производим особо сильного впечатления: мы всего лишь безволосые двуногие высшие обезьяны, к тому же не обладающие большой физической силой. Мы не умеем так ловко лазить по деревьям, как наши кузены мартышки. По своим физическим данным мы не идем ни в какое сравнение с мощными красавцами-хищниками. В своем естественном состоянии мы привязаны к земле, так как не умеем ни летать, ни долго держаться на воде (и тем более под водой). Нашим самым ценным достоянием является килограмм с небольшим студенистого вещества, заключенного в защитную черепную коробку. За время, прошедшее с того момента, когда человечество сде-

лало свои первые робкие шаги по нашей планете, именно уникальный человеческий мозг позволил нам занять господствующее положение на Земле. Мозг компенсировал нам слабое развитие клыков и когтей.

Сложная игра химических и электрических сигналов в наших головах дала начало всему, что делает нас людьми. Благодаря нашей способности мыслить и делиться своими мыслями с другими мы получили нетленные сокровища: язык, эмоции, общество, музыку, науку и искусство. Способность к общению и безграничное умение мыслить позволили нам совершать невиданные подвиги. Наш разум помог нам преобразить окружающий мир, изменить природу согласно нашей воле. Нами движут — и всегда двигали — любопытство, глубокое мышление и безудержное стремление исследователя. Мы постоянно испытываем ненасытную потребность во все новых и новых открытиях, мы хотим познать окружающий нас величественный мир и отыскать наше место в необъятной огромности вселенной. Мы пересекли глубочайшие океаны, раскрыли тайны атома и даже сумели вырваться за пределы притяжения нашей планеты. Эти черты отражены в самом названии нашего вида — *Homo sapiens*, то есть человек разумный: оно говорит как о намерениях, так и о сути нашего биологического вида.

Но при всех великих достоинствах нашего ума мы видим массу примеров неверных суждений. Несмотря на впечатляющий инструмент мышления, коим нас снабдила природа, мы часто делаем ошибки — от самых банальных до фатальных. Эти ошибки преследуют нас на протяжении всей многострадальной истории человечества, но именно теперь необходимость понимать, где и как мы можем допустить промах, обрела первостепенную важность. Никогда еще не оказывались мы в такой зависимости от шарлатанов и глупцов, никогда еще с такой легкостью не становились жертвами вредных медицинских советов, ложных новостей и ядовитой пропаганды. Эти проблемы не новы, но масштаб их разительно изменился. Мы живем в эпоху, когда доступ ко всей сокровищнице челове-

ческого знания находится у нас буквально на кончиках пальцев. Но парадокс заключается в том, что именно эта свобода в доступе к информации позволяет дезинформации, жульничеству и обману распространяться быстрее и дальше, чем когда-либо в прошлом.

Однако не стоит впадать в отчаяние — тот самый человеческий разум, который может делать промахи, обладает и уникальной способностью учиться на своих ошибках. Если мы обнаруживаем, в чем мы заблуждаемся, то можем одолеть последствия ошибочного мышления. Если мы хотим принимать здравые решения, несмотря на оглушительную какофонию из полуправды и откровенной лжи — этот эквивалент грохота кастрюль и котелков времен китайской воробьиной кампании, — то нам надо во что бы то ни стало научиться отличать полезные сигналы от паразитного шума, чтобы осознавать, когда именно вползает в нашу голову ложное мышление. Сложность задачи поначалу может обескураживать, но не стоит забывать о нашем чрезвычайном преимуществе: о способности к критическому мышлению. Существует много определений такого мышления, но мы приведем только одно из них, данное “Оксфордским словарем английского языка”: “Критическое мышление — это объективный анализ и оценка предмета, направленные на формирование суждения”.

Аналитический аспект здесь чрезвычайно важен. Если мы научимся проследивать путь каждого утверждения до его логического конца, то сможем приходить к более надежным заключениям, чем позволяют нам инстинкт или интуиция. Куда более трудная задача — это подвергнуть такому анализу наши собственные мнения, которые мы прикладываем к чужим убеждениям. В суждениях нам следует руководствоваться убедительными доказательствами и свидетельствами и быть готовыми отвергать неверные идеи и мнения, независимо от того, насколько они нам приятны. Вопрос заключается не в том, нравится нам конечный вывод или нет, и не в том, укладывается ли он в нашу картину мира; важно, вытекает ли результат из доказательств и логики, или нет.

Такие рассуждения жизненно необходимы, ибо наши представления о мире неизбежно искажены. Шведский статистик и врач Ханс Рослинг наблюдал по всему миру тысячи людей, которым он задавал объективные вопросы обо всем на свете — от проблем здравоохранения до нищеты. В процессе этих опросов ученый неизменно сталкивался с тем, что, независимо от уровня интеллекта или образования, люди потрясающе плохо ориентируются в окружающем мире. Мы придерживаемся впечатлений, несовместимых с объективными данными, и часто эти впечатления внушают даже больше пессимизма, чем реальное представление о ситуации. По мнению Рослинга, такое положение складывается из-за того, что, формируя впечатления, мы склонны полагаться на сведения, почерпнутые из средств массовой информации; он замечает по этому поводу, что “формирование картины мира по сообщениям СМИ — это то же самое, что формирование мнения о человеке на основании отпечатка его стопы”. Конечно же, средства массовой информации не исчерпываются традиционным триумvirатом телевидения, газет и радио. Многие из нас сегодня ищут информацию в интернете, по большей части в социальных сетях. Эта система коммуникации представляет собой дом без привратника, информационное поле без регламентации, ограничивающей деятельность традиционных СМИ, и поэтому в ней намного легче пускают корни ложь и фальсификация.

Мы, надо сказать, не очень сильно искушены в распознавании лжи. В 2016 году ученые Стэнфордского университета протестировали способность учащихся средних школ, колледжей и университетов оценивать достоверность различных статей. Итоги исследования, пользуясь словами его авторов, можно охарактеризовать как “безрадостные” и “угрожающие существованию демократии”. По результатам исследования выяснилось, что учащиеся легко впадали в заблуждение, принимая сомнительные источники за надежные и будучи неспособными даже понять, что им следует предпринять для оценки добросовестности источника. Одного только простого факта, что сайт “при-

глажен и отполирован” или что сообщение прочитано и одобрено множеством людей, было достаточно для того, чтобы одурочить этих аборигенов цифрового медийного пространства. Например, бакалавров Стэнфордского университета направляли по ссылкам на статьи об однополых браках, опубликованные Американской педиатрической академией (авторитетной профессиональной организацией) и Американским педиатрическим колледжем (известной гомофобной группой, занятой разжиганием ненависти). Удручает то, что студенты посчитали обе эти организации одинаково авторитетными и уважаемыми, не дав себе труда поискать сведения за пределами сайтов или выполнить элементарную проверку фактов.

По некоторым оценкам, приблизительно 59 процентов статей, гуляющих по социальным сетям, рассылаются людьми, которые их не читали. Чтение статьи требует труда, а рассылка материала на основании его привлекательного заголовка вызывает социальное одобрение и приносит массу лайков без малейших интеллектуальных затрат. Этот социальный компонент очень важен: в большей степени, чем традиционные СМИ, рассылки информации в Сети вызывают чрезмерный негатив. В проведенном журналом *Science* в 2014 году исследовании было показано, что аморальные поступки, о которых люди узнают из Сети, вызывают у них большее возмущение, чем поступки, о которых они узнают из теленовостей или газет. Причина отчасти заключается в том, что производители “контента” и владельцы платформ используют рассылки и возможность “поделиться” как источник дополнительного дохода. Даже традиционные, уважаемые и серьезные издания — доходы которых некогда зависели именно от достоверности информации — были вынуждены “оседлать” интернет, так как продажи бумажных экземпляров резко снизились. Но что может гарантировать массовость рассылки? Правильно, сильные эмоции. В проведенном в 2017 году журналом PNAS (*Proceedings of the National Academy of Sciences* / “Труды Национальной академии наук США”) исследовании было показано, что использование эмоционально-морализаторского языка в значитель-

ной степени помогает проникновению политического содержания в социальные сети. Но такой подход превращает нас в машины возмущения, в существа, отбирающие самые захватывающие сюжеты, независимо от их истинности или общественной значимости.

Разделенное с другими возмущение сродни катарсису, однако оно не ведет к принятию разумных и важных для жизни решений. Чаще такой подход дробит нас по образцу родоплеменных общин: сильные чувства могут порождать иллюзию какого-то реального дела, но вся подобная деятельность с большей вероятностью ограничивается пределами неких идеологических групп, а не преодолевает эти пределы. Участие в хоровой проповеди приносит нам удовлетворение, но само такое действие является чисто перформативным, то есть не выходит за пределы слов. Гнев — не слишком сложная эмоция; это призма, преломляющая сложные ситуации и проблемы в обманчиво простые бинарные отношения черного и белого и превращающая сложные натуры либо в хрестоматийных героев, либо в гротескных злодеев. Накапливается все больше данных о том, что упадок традиционных СМИ приводит к тревожной фрагментации информации. Выбирая адекватные источники информации, мы можем конструировать для себя любую картину реальности по нашему желанию. Но мы не способны объективно исследовать всю доступную нам информацию: мы отбираем то, что подтверждает наши предрассудки и прежние убеждения, исключая все, что может им противоречить. Как говорил Пол Саймон, “человек слышит то, что он хочет слышать, и отмечает все остальное”. Сиюминутная природа современного дискурса означает, что мы в первую очередь жаждем быстроты, а не истины, и реагируем, не рассуждая.

Окончательный результат должен вызывать у нас серьезную озабоченность. В 2018 году в *Science* была опубликована статья с результатами обширного исследования, в ходе которого ученые изучали изуродованную ткань современного дискурса. В работе были проанализированы 126 тысяч новостных

сюжетов за период с 2006 по 2017 год. Чтение этого документа отрезвляет. Независимо от метода оценки, становится ясно, что в изложении новостей доминируют ложь и непроверенные слухи, не имеющие ни малейшего отношения к истине: “Ложь распространяется значительно дальше, быстрее, глубже и шире, чем правда во всех категориях информации; этот эффект выражен в политических новостях больше, чем в новостях о терроризме, природных катастрофах, науке, городских легендах или финансах”. Степень эмоциональной окрашенности является — как и всегда — надежным предиктором широты распространения информации, а лживые статьи состряпаны так, чтобы вызывать отвращение, страх и неприкрытый гнев.

Ложные истории питают недоверие и поляризуют общество в невиданном ранее масштабе. Более того, эта ложь устойчива и плохо поддается искоренению; во всяком случае для развенчания мифа требуется гораздо больше усилий, чем для его первоначального внедрения в умы. Это обстоятельство явно не ускользнуло от внимания пропагандистов всего мира, которые пользуются преимуществами интернета для распространения всяческих подозрительных информационных материалов. Россия под руководством Владимира Путина проявила небывалый интерес к этому новому фронту и добилась на нем больших успехов. Следы русского вмешательства обнаруживаются по всему миру; это вмешательство целенаправленно оказывает дестабилизирующее влияние на страны, считающиеся враждебными, подогревая внутренние противоречия и взаимное недоверие. Недоброй славой пользуется, например, Агентство интернет-исследований в пригороде Санкт-Петербурга, где небольшая армия троллей засоряет социальные сети, сея рознь и влияя на общественное мнение всего мира. В совместном докладе разведывательного сообщества США указано, что президентские выборы 2016 года в США характеризовались массивным вмешательством России, а проведенный впоследствии анализ позволил предположить, что этих согласованных пропагандистских усилий было достаточно для того, чтобы изменить конечный результат выборов.